

ЗОРЯ

ТАЛАНЦЪА

Выходитъ шо пятни-
цы во Львовѣ. Цѣна
на рокъ съ почтою
4зр. 40кр. ср. подр.
2зр. 20 кр. чвртр.
1 зр. 10 кр. на
мѣстци 4 здр.

Предлагу отпраевъ
бюръ дирекціи кни-
гопечатной Институ-
та Ставроигіанского
М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРЪ ЗАБАВЪ И ГОСПОДАРСТВЪ

МИЛОСТИНЯ.

Дѣлаюкъ то къ одно́мъ изъ найоказа-
тельнѣйшихъ палатъ въ Варшавѣ. Ми-
нбра пѣлночь. Хорошая, недавно скѣнча-
ная невѣста съ нетерпѣливостью ожидала
своего мджа. Придокылокъ молодсид чело-
вѣкъ спрацати своихъ юныхъ прѣтелей
на низъ къ пировѣй сали; вылетѣлъ на
горт по сходамъ и стрѣтилъ на послѣд-
но́й степени стоащю оу самыхъ дверей
покоевю.

— Спѣшитъ господине! река тихимъ
голозомъ Анна; госпожа ожидае васъ.

Юный мджъ слегонька заколаталъ и
оупалъ къ стопамъ невѣсти, которая и-
стинно ожидала его, сѣдючи влизь ко-
минка къ изборно́мъ строю молодон вдо-
вицѣ, оудовольнон по своѣмъ врачно́мъ
счтанію.

— Подвигниъ люкезный Явгдѣтъ, ре-
кла вытагаючи рдки къ своємд мджд.

— Нѣтъ госпожа! отвѣчалъ юный че-
ловѣкъ, хапаячи еи вѣлдо рдкд и окры-
ваяючи ею поцѣлдами. Призволи менѣ о-
татиса оу стопъ твоихъ и не отвлекай
менѣ рдки твоен, ибо страхюса, дабы
ты не счезла изъ очей моихъ, страхюсь,
дабы кѣ тое не сѣлалогд обманом. Ви-
дитса менѣ, шо и есмь юнакомъ подѣб-

нымъ томд къ чародѣйкѣй байцѣ, кото-
роу то къ сонъ колыгали мене къ дѣ-
тинствѣ моѣм.

— Да кде Господь Богъ съ токомъ
моѣм люкезный! Вчера была я вдовицею
по господинд сенаторд; днѣмъ есмь го-
спожом Явгдѣта, твоею женою. Не дѣ-
май про тое о корожакахъ, которы стра-
хали тебе къ дѣтинствѣ; кина сѣлалася
днѣмъ истинною исторією.

Господинъ Явгдѣтъ имѣлъ нѣкдю при-
чинд адмати, шо ткаясь надземкаа
сила вѣшалага къ его справд, когда за-
одинъ мѣсаць садчайно, или по благости
сѣдыви сѣлалася такъ богатый и сча-
стливый, о чѣмъ никогда даже и помя-
чити не дерзндлса. Имѣлъ онъ дват-
цать и пять лѣтъ, былъ сиротомъ и за-
нималъ мѣстце чиновника къ министер-
ствѣ, но тое заледки скромное пропита-
нїе оудѣлало емд. Въ томъ однон днѣны,
когда оулицю Висланомъ прохожала, за-
держалиа вогацкѣй кочъ передъ нимъ, изъ него
же ввляса съ превеликою изборногтью при-
строенная женщина, покликывающаа на него.

— Господине! господине! . . .

Сей часъ излетѣлъ стрѣлецъ, отложилъ
степень оу коча и держачи капелюхъ съ
перями, съ великимъ почтеніемъ молилъ
Явгдѣта, дабы благоволилъ занати мѣст-

це покочъ твои госпожи, сіающою ѡтъ жемчубѡвъ. Не постигъ оубѣсти, а оуже конѣ помчали спѣшно.

Послѣ того промовила къ немѡ оуба, которая такъ дивными дѣлами оубожила его съ собою, солодкими гологами.

— Я полѡчила листъ ѡтъ господина, но хотя ѡнъ не по моему желанію, надѣюсь видѣти господина завтра оу мене въ четвергъ.

— Мене госпожа?!.

— Такъ! какъ господине?!.

За чимъ сей часъ воскликнула задѣвшия: простите! Подобенъ естъ такъ къ одной знакомой менѣ оубѣ, що я какъ за него считала. . . Яхъ благоволятъ извинитиса менѣ господине. . . . Мой Боже: що же господинъ подвмае согѣ о менѣ! . . . Но сходность етъ такъ великая, що каждый могъ бы ошинеитиса. . . . Закимъ окончилаа таа вѣзда, задержалаа коучъ на подкѡрью величественного готела; господинъ Явдѣтъ не припадало сдѣлати ничъ иного якъ только подати рѣкъ сенаторокой, которая въ ничѣмъ не подобала тымъ вѣдымъ безъ духа и сердца сѣдающимъ лицамъ за скломи кариты. Госпожа сенаторока была жиком, прѣатною и не обыкновенно хорошою черновривкою.

Черны колосы сликалиа кѡчеравою струею на еи снѣжное тѣло. Явдѣтъ такъ кокая красота, тѣно припала къ сердцу; протое съ радостію коприннаа еи прошеніе, дакы гѣче четилъ ея пошкеніемъ. Богатаа вдовица окрѡженна была почитателями; но тыхъ то отпракалаа она одного за дрѡгимъ, а обстоятельство зашла такъ благополѡчно, що вѣдныи чиновникъ по истеченію тыждна отпракилъ былъ оуже совершенно свои зарѡчины съ

когатою вдовицею. Нампередъ она изъавила емѡ женитьбѡ.

Долго дѡмалъ Явдѣтъ надъ своею такъ неподѣвано измѣнившою са сѡдѡкою. Не знааа онъ самъ, по якѡй причинѣ такъ великое счастье нагодилосъ. Домнѣкалаа, що може быти красота его поправилаа такъ высокой госпожѣ; но когда подивилаа въ зеркало, нѡжно было самовольно емѡ сознати, що не прелестъ тѣлесной оуроды плѣнила емѡ такъ необыкновенною долю. Казалаа она емѡ какіе слѣпыми, не огладительными не розѡждительными счастьемъ. И не годѣ еще томѡ! Послѣ оустановы неотмѣнной женитьбы, полѡчила онъ записъ считающю его господиномъ полъ миллиона имѣніа. Госпожа сенаторокаа опредѣлила емѡ два села въ Литвѣ, два пѡдъ Москвою, палатѡ въ Варшавѣ, дворець въ Харьковѣ и Господъ Богъ вѣдае якое еще тамъ богатство. Богатаа дѣвица тепла была, яко имѣла гроши какъ пороха. Когда одинъ старикъ священникъ слѡчилъ ихъ обрадомъ слюба, господинъ Явдѣтъ, еще не сполна становилосъ мено на оумѣ, яко самъ не понималъ ніакимъ дѣломъ, сонъ то ли, или чистаа сѡщность? . . .

— Подвигникъ мой Явдѣтъ! рекла жена. Приблизисъ къ менѣ — поговоримъ согѣ. . .

Молодой человекъ на конецъ послѣдовалъ и какъ бы страхалаа напрасной потери, держалъ все время за рѣки женѡ свою.

— Тобѣ все еще дивно мой Явдѣтъ, а даже не доврѣнешъ ни очамъ ни слѡхамъ твоимъ?

Явдѣтъ стоялъ недвижимымъ и немымъ.

— Внимай! ось началъ розказовати то.

въ исторію я мжно оубѣдишь ся, що то не чародѣйская сила, ни слѣпый произволъ судьбы нагодить порою челоуѣка не знати съ откъда та почомѣ влиженіе ствомъ тѣземнымъ.

„Нѣкая молодая дѣвочка, дочь иногда богатыхъ родичей, но подѣпавшихъ жестоко ко время когда она оуже пять-нацѣать лѣтъ имѣла, осталась сиротомъ, безъ пріятелей, безъ защитникѣвъ, самаа любовь вилинка на голѣмъ, на вѣтри и тѣчи выставленнѣмъ поли. Не было ей мкъ и кдаа що дѣлати. Поминовши нбо що св. п. родичи совершенно ничъ не оставили по собѣ кромѣ долговъ, даже и самую прачю рѣкъ одинимъ средствомъ вѣднхъ не могла найти собѣ оу незнакомыхъ пропитаніа. Приходило къ отчаянію. Оужасный голодъ жестокииъ мѣченіемъ принуждалъ къ погѣдномѣ средствѣ — къ злочинствѣ. Наидвалися мерзкіи, погнѣбны мысли. Но благородное сердце съ оужасилось ними и отвергнувши мерзкостъ ътъ себе, воуѣло пѣтитисъ на прошеніе милостини.

Окрывши головѣ платомъ, сгоркившись на видѣ калики, вышла несчастная дѣвочка на оулицю. Но вѣлы рѣки мкою не соглашались съ такъ нужденною нищетою, нжно ихъ было въ платъ и то въ черныи платъ завити. Завивши рѣки, стаядла подѣ стѣною, а когда така счастливейшая дѣвочка переходила, молила милостинѣ, молила о грѣшъ, о крышкѣ хлеба. Гѣрки то были моленіа! Дѣвочка шла не вниваячи голодъ нжды, но полна сконхъ солодкихъ жажда и надежда, едѣтобы ея самая розкошь нила на золотыхъ крилахъ въ прѣчуденный край едѣщности.

(п. с.)

О дружинѣ, боярахъ, мужахъ и ихъ отношеніяхъ къ князямъ рускимъ.

Оу каждого князя была своя собственная дрѣжина состоящая изъ приверженцевъ его подѣ названіемъ дрѣжины, коаръ или мѣжей. Она окружала его вюда и сопровождала на войнѣ, составляла княжескихъ тѣлохранителей, а въ мирное время его советѣ. Роздѣляла съ княземъ добро и горе, честь и оуниженіе, докучѣ и оущербъ. Оупотреблялась въ посылкѣи дѣла, оучаствовала при заключеніи родовыхъ княжескихъ и иностранныхъ договорѣвъ, кормилась за княжескимъ столомъ, сломъ, творила съ нимъ одно неразѣчное братство, товарищество, которого головою были князь и дрѣжинники членами.

Бояре составляли отличную родовую классѣ княжескихъ товарищей, занимавшю среднее мѣстце между княжескимъ родомъ и низшимъ сословіемъ свободныхъ мѣжей. Перконачально составляла дрѣжина бояре и мѣжи лично, придворное, княза окружавшее товарищество, но въ послѣдствію надѣленна землями дрѣжина начала быти оуѣлою, мѣстною и розкогачѣвшись стала отлѣчати советвенный интереса ътъ княжескихъ интересѣвъ. Дрѣжина привоила собѣ даже по произволѣ извирати и изгонати князей. — Кромѣ княжескихъ бояре были еще городскіи бояре въ Новгородѣ, были и оу метрополитѣвъ и Патрїархѣвъ а може быти и оу дрѣгихъ владѣкъ.

Княжеская дрѣжина роздѣлялась на старшю и молодшю. Молодшая дрѣжина состояла изъ сынѣвъ и родитвенникѣвъ старшихъ дрѣжинникѣвъ. Кромѣ того роздѣля замѣчаемъ еще въ ней степенѣ и именно о Гридѣхъ и Гридѣкъ и о пасын-

кахъ. Гриди не были даже княжескою дружиною, но мѣстными довольно сильными отрядомъ ратниковъ. Жители рѣскаго народа раздѣлялись на свободныхъ и рабовъ. Свободная часть народа состояла изъ коаръ и людиновъ. Къ людинамъ причислялись гриди, огнищане, гостѣ, кѣпцѣ, пасынки, ремесленники, изгой, чорныи люди и смерды. Огнищане была высоко уважаемая часть народа. Кара за оубиеніе ихъ рѣвнилась за головь княжескаго коарина оустановленной. — Гостѣ были знаменитыи кѣпцѣ, занимающіи иностранною торговлю; они занимали великую степень въ народномъ обществѣ. Кѣпцѣ торговшіи вѣдтръ рѣскаго землѣ. Пасынки или отроки не составляли особого сословія въ народѣ но вѣроятно были сынами или родственниками коаръ. Чорныи люди, свободное сословіе городскихъ меньше зажиточныхъ жителей. Изгой, были то бѣдные люди лишившіи прежнего своего состоянія, отбавшіи свободными, или невольными, освобожденными отъ прежнего рабства. Смерды, подокны чешскими или польскими кметамъ. Они оучаствовали къ военныхъ подвигахъ своихъ князей, они могли имѣти даже своихъ собственныхъ невольниковъ.

Независимыхъ людей вѣдтръчаемъ къ древней Рѣсн подъ названіемъ челади, челадиновъ, холоповъ, рабовъ, и невольниковъ. Они кѣпчавали и продавали, оупотребляли къ домашнимъ оублагамъ, земледѣльческимъ и другимъ работамъ. Полными равами были плененный на войнѣ, и не изданный, человекъ кѣпленный при скѣдѣтеллахъ, человекъ свободный продавшійся при скѣдѣтеллахъ, должникъ, который не могъ оудовлетворити своимъ заемодавцамъ, родившіи

отъ рабовъ и холоповъ, напосѣдокъ за кѣпъ т. е. человекъ продавшійся только на время къ холопство, который не выслуживши оублаженного срока, оутѣкъ отъ своего господина и былъ поиманъ.

ДО СВОИХЪ

Плыне Днѣстеръ по низинѣ,
А въ немъ русскихъ думъ нора;
Тамъ якъ крестикъ на вышинѣ,
Свѣтитъ красная зоря.

Свѣтитъ свѣтитъ не устае
Блѣдымъ личкомъ, мовъ весновъ,
То западе то снова встаетъ
Хоть примеряне свѣтитъ снова.

Къ свѣту еи думы рвутся.
Такъ унилы якъ она;
И силою съ души прутся,
Происходить изъ чувствъ дна.

Но и отъ туманъ склубился
Зорю мраки залагли,
Въ кругъ ней воздухъ возмутился
Вихры думы рознесли.

А въ низу стоитъ невѣста
Сумна будто помяникъ.
Рече: „Ей ты зоре чиста!
„Чому лучъ твой въ хмарахъ зникъ?“

Ты на хвильку засіяла,
Чомъ такъ спѣшно гаснешъ мнѣ?
Я такъ долго — долго спала,
Снова ли мнѣ почити въ свѣ?

„Скажи! я вѣтры умолю,
„Да розвѣюгъ туманы,
„А на мою темну долю
„Свѣде лучъ твой съ вышины.“

„Ой не мраки мя затьмили:
„Гасну, нѣтъ вже въ менѣ силъ —
„Слезовъ очи мнѣ заплыли
А лице соромъ покрылъ.“

„Ты несчастна бѣдна мати
„На твой безнадежный свѣтъ,
„Якъ возможно мнѣ сѣяти,
„Коль у тебе рѣднѣ нѣтъ?“ ... А. К.

КРАСОТА И ВЕЛИЧЕСТВЕННОСТЬ

(продолженіе)

Мысль нашаа може быти тайною, но чѣвѣтко не такъ легко покрыти. За похоть чимъ оубилнѣйшаа, тымъ опаснѣйшаа; томѣ то тымъ вѣльшена лицу обавлаеа, чимъ лѣчше роздѣмъ ея покрыти стараеть. Благородное чѣвѣтко спѣшно на вѣ обавлаеа, ибо превосполненное чѣвѣтко не къ силѣ такъ выловкити какъ роздѣмъ. Есть ли на примѣръ краіній видъ какъ тыхъ двоухъ людей, прощяющоо и сознающоо провинд свою? Шо же такъ гдѣто гокоритъ истинд за тѣдѣлнѣю невиннѣсть? отже гокоритъ самаа природа чертами лица и слезами. Стыдливость есть наизанимательнѣйшою окрасою красоты! а когда юношетко нагдѣчелегкихъ провиненій допѣкаеа, природа гдѣто зарѣманитиа ея приндждае. Тымъ рѣманцеиъ предает оно провинд свою, кѣпно же и гнѣвъ роззвѣривае.

Какъ розличными чертами на лицу отзначаеть чѣвѣтко вѣііа тихои радости, прѣазни, на лицу — на томъ то измѣнающѣмъ образѣ дѣши! На сопротивъ, когда человекъ находить въ зависти и похоти природа откриваетъ тѣю такъ хорошѣю признакѣ: лица синѣють уста, кѣлѣють, очи потеряють природный блекъ а привирають скаженнѣсть дикого звѣра. Человѣческаа дѣша, чимъ до краішихъ чѣвѣтѣ привыкла, тымъ краінѣйшихъ, благороднѣйшихъ черти лице его привирае. За воздвиженіемъ или вотхуновеніемъ дѣши остаются на лицу благородны и хорошіи черты. Зарѣвно и лихіи нравы нами отзначають. Когда безмѣрное оупотребленіе напоевъ дѣшд понизает, природа откривает очамъ ихъ живость, измѣнае

лице а оуподленный видъ, догтойный есть соотвѣніа дѣшиоуподленной

Роздѣдаючи тѣю свазь моральной красоты съ физической, человекъ зажелалъ не только свои нѣжности, свою внѣшнѣсть но и чѣвѣтка свои оудостоити. Зажелалъ онъ попракитиа яко моральное лице. Въ красотѣ второго пола гладилъ и почиталъ красотѣ моральнѣю. Оттѣлѣ смыловлаа жажда не пристакала на самѣмъ легкѣмъ занатію; чѣвѣтко гладило въ ордѣ чѣвѣтка взаимной приклонности и воздѣвгалаа къ моральнымъ чѣвѣткамъ прѣазни. Оуже то милость не жертвою но дарованіемъ емѣ быти должна. Отношеніе тое роззвѣклоа на всю жизнь человекѣкѣю. „Блавыи гокоритъ Шиллеръ, сдѣлалаа сватимъ предметомъ; неѣмирenna сила потерае свою прежнѣю прелестъ, родитиа величественнѣсть рыцарскихъ обычаевъ. Того, которого нѣакаа сила не съ оужаила, рѣманецъ роззвѣривае. Самаа ненавистъ поглѣдѣе голодъ чести; повѣдители прощяе повѣжденномѣ; гостипрѣимный столъ ожидаетъ пѣтешественника по тымъ берегамъ, гдѣ доіелѣ только оубѣитѣва страдала.“

Такимъ дѣломъ чѣвѣтко красоты постепенно оулагожало жестокость обычаевъ а оулагоживаючи оупособило въ человекѣ моральнѣю силѣ, подкигало къ чѣвѣткамъ благороднымъ и величественнымъ, какихъ то въ послѣдствію корѣъ и нечестья, на быти нѣжно емѣ было. Но обмеживаючи тѣінѣйше къ предметѣ нашѣмъ, скажимъ, шо днѣкъ когда приписи религій, когда общественыи законы означаютъ намъ должности моральны, еше жажда взаимного попракленіа, оукрѣплае добродѣтели нашѣю. Сътъ не истреветельныи пороки оунничтожающіи соглаіе поточной жизни

но тымъ не помождтъ ніакїи запрещенїа. Лихое расположенїе оуми, легкїи оуразы, избыточная откровенность и непристойствїе, часто застѣпае насъ во вѣдтрїю нашѡмъ и зарѡвно колитъ якъ истиннаа прокина. Правда обычаевогги общественны сѣтъ тяжелы, дѣлають они человекѣа причаичными и обѣчивають покрыватп оуломногги; но правда и тоє, що таа безпрерывнаа правачноггъ въ намѣренїю по нравитисѣ, переходить съ временемъ въ крайню природѣ, творитсѣ такимъ дѣломъ обычаичноггъ, по которѡй лихїи люди товаришекиими быти могѡтъ, а добры сѣтъ прїятнѣйшими. Безъ того свойства строгаа добродѣтель вводитъ насъ въ подикленїе, но когда прибежъ такоое, плѣнае насъ и къ поддерживанїю, легчюу дѣлаеѣа.

Все що только человекѣа въ смысловѡмъ свѣтѣа понимаетъ, а о чимъ въ моральномъ присвѣдчитсѣа: все тоє переходѣе ѡнъ въ споминенїю, обновлае и розсматриваеѣа силоу фантазїи.

Фантазїа еѣтъ тымъ для воспоминенїи нашихъ, чимъ еѣтъ точное свѣтло для предметѡвъ природы. Неокѣщае она ихъ совершенно, но призколае намъ ихъ догадыватисѣа или творити цюа съ нихъ въ изображенїю. Фантазїа не творитъ ничъ такоого, що бы въ смысловѡмъ свѣтѣа неизвѣстное было.

Тоє сокровище заключенное въ памяти и впечатлѣнїахъ, надала намъ природа нааипередъ къ занатїю и призколила намъ творити поглѣ нашихъ мнѣнїи и нужностей. Такимъ дѣломъ поколѣ созданаа свѣтъ фантазїи на сѣпротивъ еѣтественного. Необыкновенноггъ, сїателькны образы и неѣмѣренноггъ были къ началѣ признакою того свѣта. Человекѣа съ вре-

менемъ началъ ѡбѣтвовати красотѣа простоты въ чертежи и мирной величественности. Ибо къ самѡй же природѣа возмѣтившоеѣа море, пропасти вѣрѣа, поражають лѣчше нижели величїе мирной ноци и природаа призывающа къ адманїю. Не какко поддерживалъ человекѣа не только совершенны вещи, но и создающюу природѣа, гладѣа въ время источника, порядка и опредѣленїа; къ свѣтѣа сотворенѡмъ мааичнюу завелъ цѣль и порадокъ и воздвигнулъ идеальнюу красотѣа, совершенноггъ, на сѣпротивъ еѣтественной.

Гокорили мы, що природаа опредѣлила докромѣа красотѣа а лихомѣа мерзкосты. Когда неѣвѣтко поддерживаеѣа природѣа, кождѣае оу насъ зарѡвно лѣвокъ къ томѣа, що нравѣтвенно красноє а мерзитъ намъ злоє. Якъ внѣшны красоты природы образѡтъ фантазїю нашѣа, такъ впечатлѣнїаа происѣдающїи ѡтъ идеала величїаа человекѣа образѡтъ характеръ. На видѣа краснои природы и красногѡа дѣлаа кѣа безъ розличїаа возхищаеѣа.

ГОСПОДАРСТВО.

Сѣянїе моркви по межъ льномъ

Въ Нѣмечинѣа начинаютъ подъ льномъ сѣяти морковь. Такимъ способомъ получаютъ въ одноѣа годѣ двоякое собранїе. Ленъ сѣе сѣа звичайно въ Цѣвтнїи; когда уже соїде и начинаютъ его полоти, розсѣвають между нимъ морковъ. По упряженїю льна, морковъ сѣа легкаа перетягаеѣа граблями подсыпавши о сколько возможно свѣжоу землею и сываеѣа гноѣвкою. Тымъ способомъ получаеѣа довольно моркви не требующи до управы еи отдѣльныхъ грядокъ.

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѣСТІА.

— Въ Краковѣа опустили печатисъ первый сѣязокъ сочиненїа І. Антонїа Жигимонта Гелцли подѣа

заглавіемъ: „Древній законодательства польского памятники съ изслѣдованіемъ историческо-критичнымъ такъ именуемого законодательства виллицкого Казимира Великого”

— Въ Варшавѣ издалъ Г. Антоній Вѣнярскій новую народну комедію: „Варшавяки и Гречко-сѣи.” Тамже печатается такожъ важное сочиненіе В. А. Маѣвского: „Исторія законодательства славянскаго.”

— Въ Парижѣ выходитъ новый органъ, посвященный Славянщинѣ подъ заглавіемъ: „Revue Franco — Slave.”

В С Я Ч И Н А .

Вежа вавилонская.

Г. Пласъ, французскій консулъ въ Моссулъ, возвѣщае о открытію древностей въ давній Вавилоніи, именно же о изобрѣтенію розваливъ вежи вавилонской. Лишившіися остатки той вежи досягаютъ 8 поверховъ, и представляютъ величественный видъ. Розвалины тѣи видно вокругъ на колька миль. Основаніе вежи положено въ четвероугль, котораго стѣны выносятъ 194 метровъ (метръ имѣе больше якъ три стопъ вѣднскихъ). Сія вежа строенною была цеглюю искусно и чисто изготованною и выпаленною, на которой розличны написи спостерегаются. Подъ розвалинами вынайдено дорогоценности золотіи, тесаніи каменія и множество монетъ. Изъ сего слѣдуетъ, що во время строенія помянутой вежи промышленность уже довольно розпространенною была. —

Найвысшіи горы.

Черезъ долгое время думано, що гора „Чимборассо” въ южной Америцѣ есть найвысшою. Высокость еи выноситъ 24.000 стопъ. Однакожь показалось що гора гималайска „Давалажири” въ Азійи есть высшою с. е. 25. + 171. Но и тая должна отступити первенство еще высшому сусѣдови „Кипчичунга” досягающему 26.419 стопъ. Напоследъ минувшого года достались Англичане на еще высшую гору, котору назвали „Еверестъ” а котора имѣе 29.000 англическихъ стопъ. — Англичане имѣють звычай, що всюда оставляють мѣсцевостямъ ихъ питоменныи названія; только тую послѣднюю гору наименовали по имени инжиньера немогучи довѣдатися о еи питомомъ названію.

Поселенія англическихъ компаній.

Въ Азійи занимають они великій обшаръ той части свѣта. Шо до пространства, не можно точно опредѣлити. Помянути поселенія роздѣляются на 4. намѣстничества: Бенгалское намѣстничество числитъ 50.494.630, жителей, Мадраское 22.302.697, Бомбойское 11.109.067, Пендшабское 9.154.209, колоніи восточніи 30.087.766, шо совокупно 123.148.369 жителей выносить.

— Въ копальняхъ угля каменного въ Лундгилъ въ Англіи запалился воздухъ и угли подъ землею, въ слѣдствіе чего 155 людей пострадало житіе.

Щуръ съ трубою.

Не давно завесь г. Тругентъ, знаменитый французскій геологъ жалобу предъ судъ, оскарживаючи нѣкого Гиронисъ, бывшего Жвава о ошунанство, шо тотъ надуживаючи его завѣренія, продалъ ему яко оособенность щура съ трубою, велѣвши собѣ за одну пару 100 франковъ заплатити. Съ изслѣдованій судовыхъ оказалось слѣдующее: „Щуръ съ трубою не есть ніякъ сотвореніемъ природнымъ, есть то лишь изобрѣтеніе дотепности и фиглярства Жвавовъ (войска французскаго въ Африцѣ.) Издѣливають они его слѣдующимъ способомъ: берутся два щуры и привязуются за ноги крѣпко до доски такъ, абы носъ одного былъ дуже близько коньца хвоста другого; ножикомъ или списомъ робится рана на носъ щура тыльного, обдирается конецъ хвоста того который на передѣ и причепляется до раны послѣднего, послѣ связывается крѣпко носъ одного съ хвостомъ другого и оставляются оба щуры черезъ 48 часовъ. По прошествіи сего времени два тѣла соединяются въ одно, тогда урѣзывается на цюловину цали или о цѣлу цаль хвостъ щура первого, который пускается на свободу, второму отнимаея обвязка зъ носа, но оставляея еще привязанье до доски, и даея ему ѣсти сколько хочеть. По 24 а наибольше 30 дняхъ, рана загоится совсемъ, а найбыстрѣйшее око не постережетъ слѣдовъ щепленья. Но съ того еще не слѣдуетъ, чтобы потомки такимъ способомъ прилагоженныхъ щуровъ размножились съ трубами.” — Заскарженный признаючися до издѣливанія симъ способомъ щуровъ извинялся тѣмъ, шо онъ не продавалъ заносящому жалобу яко рожденныхъ съ трубою, чего послѣдній не могъ занеречити Судъ освободилъ Жвава отъ всякой кары. —

— Нѣкій господарь переставлялъ хату; радил-ся про тое сусѣдѣвъ где схоранити румовиско. На тое сказала ему сусѣдъ: сдѣлай яму въ о-городѣ и въ туо спрятаешъ. . . . Але гдеже потомъ съ землею подѣлится? — вопросилъ газда Гмъ, отвѣчалъ одинъ съ сусѣдѣвъ, вырыйте такъ великую яму, щобы въ нѣй и румовиско и земля могли помѣститись. —

О пашпортахъ.

Всевысочайшимъ повелѣніемъ цѣсарскимъ зъ дня 9 Февраля 1857 г. издано новый законъ пашпортный для всѣхъ цѣсарскихъ краѣвъ, которыя то закономъ путешествваніе внутрь границъ Цѣсарства Австрійскаго дуже улегчено. — До сего времени нужно было путешественникамъ хотѣвшимъ съ одного коруннаго края до другого путешествовати, имѣти пашпортъ, который въ однихъ окружныхъ городахъ треба было всегда показовати и въ урядѣ дати подѣсати. По новому закону тое теперъ есть излишнымъ всѣмъ обывателямъ Австрійскимъ, пока въ краяхъ державы остаются; только тогда должны подлатись ревизиі пашпортной, если опушаютъ границѣ цѣсарства. Путешествующіи однако въ Австрійской державѣ должны имѣти карты легитимацийны, которые урядъ повѣтовый на одинъ годъ издае, въ которыя вписуется имя, достоинство, обиталище и вѣкъ путешествующей особы. За тѣи карты кромѣ належитости стемплевой ничого не платится. Съ такою картою може каждый подданный Австрійскій по всѣхъ краяхъ державы путешествовати безъ ревизиі и подѣсыванія. Только если путешественникъ въ якомъ мѣстци долгое время пребывати желаетъ, долженъ стоголоситись въ полициі, а где тая не существуетъ въ урядѣ повѣтовомъ, где книжки на сию цѣль опредѣленны вписанія ради путешественниковъ прилажены будутъ. —

ДОПИСЬ

— Зъ подѣ Карпаты —

Сближаешъ десятая весна нашего народнаго отрожденія, новаго житія, до котораго мы съ такъ великою жаждою и съ толикимъ пристрастіемъ прильгнули. Казалось, що мы, по вѣковомъ от-

починку, станемъ на поприщи народнаго дѣланія, хотя не на рѣвни съ нашими соплеменниками Словянами, то по крайній мѣрѣ не будемъ оставатись за ними и по силамъ старатись будемъ великому званію удовлетворити. Думали мы, що между народомъ числящимъ до трехъ миліонѣвъ найдутся мужи, которыя цѣлымъ сердцемъ возьмутъ дѣло на себе и предуготовлять путь, по которой нужно поступати ко просвѣщенію народа и поднесенію житія народнаго. И истинно, короткое время наслаждались мы красными сочиненіями молодыхъ подвижниковъ, любовались ихъ ревнованіемъ и предавались солодкимъ надеждамъ, що они воскресятъ полумертвую нашу жизнь. Но якъ обманули насъ тѣи надежды! Въмѣсто поступати на передъ, лишаемся майже всѣхъ прочихъ народовъ Словянскихъ на поли литературнаго нашего житія. Въ продолженіи десяти лѣтъ не появидось нѣкое большое дѣло, которыми бы мы могли повеличатись и показати свѣту, що мы жіемъ, принадлежимъ великой Словянской родинѣ и стараемся достойными быти имени рускаго. . . . Къ намъ когда то обратятся нашія соплеменники великой державы Австрійской и вопросятъ, що мы сдѣлали на поприщи литературномъ для народа? Вопросятъ, где суть о-воши насаженны высокимъ правительствомъ къ поднесенію рускаго народности? . . . Чіяжъ тутъ буде вина якъ не наша собственна и самовольна? О! такихъ упрековъ можемъ истинно надѣятись, и справедливо. Прочіи Славяне Австрійскіи работаютъ подобно пчеламъ, укрѣпляются, соединяются, всѣми силами стараются обогащати свою Литературу, не зважають на нѣкіи перепоны, но все на передъ поступають, а мы якъ дрѣмали прежде такъ и трперъ хочемъ тяжкимъ сномъ уснути. Горе намъ Русинамъ, що до сего времени не имѣемъ мужей, которыя бы сердцемъ и душою посвятились для блага и просвѣщенія народа!

Его Еминенція В. П. Кардиналъ Митрополита Михаиль Левицкій сподобилъ умолити собѣ у Его ц. к. Ап. Величества В. П. Др. Спиридіона Лтвиновича почет. кр. и ректора гр. к. сѣм. въ Вѣднѣ на, Суфрагана.